

Людмила Лазебная

ШУВАНИ

Людмила Лазебная

ШУВАНИ

«Автор»

2026

Лазебная Л. С.

ШУВАНИ / Л. С. Лазебная — «Автор», 2026

Двадцатые годы кровавого двадцатого столетия. Большевики удерживают власть в России, истребляя неугодных - представителей буржуазии, духовенства, интеллигенции...Император Николай II Александрович и члены его семьи зверски убиты. Большинство родственников расстреляны. Мать и две сестры находятся в Крыму под домашним арестом большевиков. Из города Орла уходит в Крым и далее на Кавказ цыганский табор известного конокрада Лексо Лайоша. Шувани табора - ведунья Шукар проявляет силу духа и смелость и спасает от красных раненого юношу белогвардейца, а затем, рискуя жизнью, предупреждает младшую сестру бывшего императора Ольгу о планах её близких и о дальнейшей её судьбе.

© Лазебная Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Людмила Лазебная

ШУВАНИ

Действия происходят в 1920 году, в начале осени в России, пригород Орла и далее Крым.

Персоны:

Шувани Шукар - приёмная дочь барона, знахарка, ведунья;

Лексо Лайош - цыганский барон;

Зелфира - жена барона;

Янко - сын барона;

Ольга Александровна - младшая дочь Императора Александра III;

Николай (Всеволодович) Кудашев, князь, вольноопределяющийся 135-ого Керчь-Еникальского полка), 17 лет, поэт.

Яков Моисеевич - ветеринар;

Зиновий Самуилович Кац - портной.

ШУВАНИ – историческая повесть

*«Вот, великое множество людей,
которого никто не мог перечесть,
из всех племен и колен, и народов и языков...
Они не будут уже ни алкать, ни жаждать,
и не будет палить их солнце и никакой зной»
(Откровение Иоанна Богослова 7:9, 16)¹.*

С самого рассвета и до позднего вечера по открытым всем ветрам степным просторам медленно тащились две дюжины цыганских кибиток, запряжённые костлявыми лошадьми. Табор орловского цыганского барона Лексо Лайоша уходил в далёкие и теплые края. Первой ехала добротная кибитка барона, а следом за ней – чуть меньшая, принадлежащая шувани – ведунье табора, приёмной дочери барона и её названной матери Зелфире.

Путь их лежал к Чёрному морю. Барон был хмур и задумчив... Полулёжа на бордовой бархатной подушке, вышитой золотой нитью витиеватым орнаментом, Лексо, нахмутив густые седые брови, одной рукой крепко держал свою курительную трубку в виде головы змеи с разинутой пастью и, отрешенно думал о чём-то своем. Он, казалось, совсем не замечал, что табак давно выкурен и пепел совсем остыл. Усталость, накопившаяся за последние годы, состарила его – некогда крепкого и сильного цыгана. Много было скитаний в его жизни, но всегда оставалась уверенность, что он вернётся в эти добрые края, а теперь мудрый барон чувствовал в душе холод, грусть и пустоту. Настойчивый внутренний голос подсказывал, что навряд ли когда ещё он увидит эти бескрайние орловские поля, дремучие леса и седые привольные луга...

Несколько вечеров до того, как табор снялся с места, старейшины обсуждали в шатре барона изменения в России и появившуюся враждебность новой власти и горожан к народу – скитальцу. В царские времена такое бывало крайне редко.

Раньше состоятельные господа делали заказы барону на танцоров и скрипачей из ансамбля для своих праздничных вечеров, дамы ждали гаданий цыганок на тайных кавалеров, а

¹ Стих описывает видение Иоанна, который увидел великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племён, колен, народов и языков. Они стояли пред престолом и пред Агнцем (Иисусом Христом) в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках как индусы).

ушлые евреи – скупщики потирали руки в предвкушении большой выгоды от перепродажи краденых лошадей и заработанных гаданиями драгоценностей...

Теперь же всё изменилось!

Шёл третий год новой жизни... Россия, доверившись революционным настроениям и речам идеалистов и прохиндеев, вскормленных и финансируемых западными странами, как невинная девица была подвергнута обману шайкой фанатиков – революционеров. Политические вожаки и пропагандисты революции, воспользовавшись ситуацией на фронтах Великой войны, смущали своими жаркими речами о равенстве и братстве доверчивые народные массы, призывая к свержению самодержавия и установлению власти рабочих и крестьян. В результате, этими фанатиками, ненавидящими всё органичное, высоконравственное и прекрасное, сформировавшееся за тысячу лет, народ был поднят на восстание, и страна была обезглавлена, а затем и обескровлена!

Арест и убийство Императора, всей Его семьи и большинства представителей Императорской фамилии, а вместе с тем и истребление несогласных – лучших представителей аристократии, православного духовенства, выдающихся представителей науки, культуры, образования, промышленности, армии и флота за короткий срок ввергли страну в беспросветную пучину братоубийственной Гражданской войны. «Из огня, да в полымя!» – говорили промеж собой те, кто был пограмотнее и подогадливее других, но было уже поздно, колесо истории набрало мощные обороты...

Народ России разделился на два непримиримых лагеря – «красных и белых», готовые рвать зубами друг – друга, как обезумевшие дикие звери.

Жизнь в стране становилась как в сказке: «чем дальше, тем страшнее». Кто понял сразу, к чему ведут эти перемены, тот загодя успел покинуть Россию, а тот, кто надеялся, что смута вскоре прекратится, теперь бедствовал и голодал, либо, потеряв всё нажитое, пытался укрыться в отдалённых уголках страны, гонимый и преследуемый ...

Большинство граждан, не поддержавших большевиков, было обречено на насилие и рабское существование. Из страны продолжали бежать семьями и родами.

Вот и цыгане потянулись в южные районы страны, где было пока что спокойнее.

Кочевники!..

– Посмотрите-ка, Яков Моисеич, цыгане и те уходят из наших мест. – обратившись к своему старому другу – бывшему хозяину ветеринарной лечебницы, а ныне отошедшему от дел старику, доживающему жизнь «как-нибудь», местный орловский портной Зиновий Самуилович Кац – солидного вида мужчина в засаленной чёрной шляпе с большими полями и потёртом лапсердаке. – Видно, не по нраву вольным гражданам свободной республики новая жизнь...

– Разве ж это жизнь?! – отозвался Яков Моисеевич, правя понурой клячей.

– А как иначе?! Это – неслыханное «шчастье!», о котором – таки следует рассказать и в других местах, что цыгане и спешат сделать. – изрёк с серьёзным видом портной.

– «Предупреждён – вооружён!» – как говорится. – ответил Яков Моисеевич, маленький, худосочный, похожий на скрягу – гнома и, поправив соскользнувшие на массивный нос серебряные, круглые очки, с завистью посмотрел в сторону уходящего табора.

– Неунывающий народ, вся жизнь в дороге, в поисках нового дня ... – продолжил Кац. Мудрецы говорят, будто Сам Творец так радовался весёлому нраву цыганского племени, что не смог для него точно определить место на Земле. Вот потому и дозволил им жить везде, кроме самых холодных земель, чтобы босоногие цыганки не обморозили своих прелестей.

– Так и есть! Верно говорите, уважаемый Зиновий Самуилович! Создатель любит песни и молитвы... Что же, никто из цыган не скажет, что он ищет свою землю! Коли бы они знали сами это место, то смогли бы уж его отыскать за всё время скитаний. – тут Яков Моисеевич, подняв воротник своего некогда чёрного, а теперь серо-грязного и засаленного на рукавах и карманах суконного пальто, ловко успел ухватиться за край телеги, удерживаясь на облучке.

– Вот и я говорю! Мы – евреи ищем, где лучше, а эти шатаются по земле без всякой цели! Бездумное племя! Одно слово – скитальцы! – изрёк вдруг Кац с некоторым осуждением.

– Ну, что Вы! Этот народ, как вольный ветер, бродит по белому свету, делая мир ярче и веселее, чем и радуется Самому Создателю. – неожиданно не согласился Яков Моисеевич. – Жизнь цыган не настолько беспечна, как может показаться на первый взгляд, уважаемый Зиновий Самуилович. Поиск пропитания для многочисленного потомства даётся отнюдь непросто... Знаете ли, ведь этот народ единственный, кто не болел чумой в средние века. – спустя некоторое время задумчиво сказал старый ветеринар. И он был прав, в те годы, когда в странах, поражённых эпидемией чумы, народы вымирали целыми семьями и селениями, именно цыгане занимались захоронением многочисленных жертв эпидемий по всей Европе и каким-то чудом оставались живыми и здоровыми. Как раз об этом писал Епископ Авиньона римскому папе Клименту VI в середине пятнадцатого века. Однако причина неприятия этим народом той смертельной и заразной болезни так и осталась тайной.

– Цыгане надёжно сохраняют свои родовые знания и секреты уже не одну тысячу лет. Взять хотя бы кузнечное дело... – продолжил Яков Моисеевич, направляя клячу к своему теперешнему жилищу – маленькому флигелю между бывшей лечебницей и своим бывшим двухэтажным каменным домом, в котором теперь жили семьи каких-то большевицких функционеров.

– Знаю, знаю! Искусные у них в прошлом были кузнецы! – согласился Зиновий Самуилович. – Доводилось слухом пользоваться, будто ковали они необычайно крепкие клинки и мечи, которым не страшна была и коррозия. Это мне в Далёком прошлом мой старший братец рассказывал. А он, знаете ли, увлечён был холодным оружием и, мало того, изучал сплавы в университете, да, да! Так вот он мечтал, выпытать или выкупить у цыган этот секретный состав стали, который передавался от мастера к ученику.

– А я всегда считал, что цыгане все как есть обманщики. – Яков Моисеевич остановил уставшую лошадку и привязал к коновязи.

– Не мудрено, дорогой доктор! Я и сам, признаться, не доверяю им ни на грош! Так вот и брат мой рассказывал, когда спрашивал он старых кузнецов про секреты сплава, они, представьте себе, отвечали, что во время работы, мол, кузнецы увещевают металл на древнем языке предков. – Каково, а?! – с трудом слезая с телеги и отряхивая налипшую солому со штанов и лапсердака, сказал Зиновий Самуилович.

– Ну, заклинания не только цыгане используют. Это своего рода древняя гипнотическая песня... – взяв свой бесформенный кожаный саквояж, прослуживший ему долгие десятилетия, Яков Моисеевич снял шляпу, слегка поклонился и, таким образом, распрощался с товарищем, не сказав более ни слова...

Зиновий же Самуилович перешёл на другую сторону улицы и усталой походкой, чуть наклонившись всем корпусом вперёд, семеня, направился в портняжную мастерскую, которая с недавних пор была также экспроприрована большевиками, но продолжала работать, правда, под новой вывеской: «Швейное товарищество ПотребСоюза».

Долго ещё не оставляла мысль известного Орловского портного о цыганах и их отъезде. Вспоминал он, как впервые столкнулся с цыганскими скрипачами и танцовщицами возле дома одного уважаемого генерала в начале нового века. Как он тогда, молодой помощник портного был поражён необыкновенным магнетизмом их музыки и пристальным взглядом юной красавицы – цыганки. А хозяин мастерской, заметив его состояние сказал ему тихонько: «Не смотри ей в глаза, это и есть ихняя ведьма цыганская! Сколько уж раз видал её за эти годы, она всё такая - же! Не стареет ни на грамм! Одно слово – ведьма! Они её зовут «шувани».

Цыгане тогда ехали к местному генералу на званый вечер в двух экипажах и громко пели, а скрипка ликовала в умелых руках кудрявого и темпераментного скрипача, выводя такие

трели, что сердце трепетало у каждого, кто слышал эти чарующие мелодии. «Раз всё это есть, значит, так угодно Богу!» – подумал Кац и, вздохнув глубоко, вошёл в мастерскую...

Цыгане... Откуда они пришли и куда все время идут? Точно никто не знает. Одни считают их выходцами из Индии, а другие утверждают, что этот народ пришел из древнего Рима, раз называет себя - «рома». Одно известно точно, что это вольный, закаленный ветрами и жизнью народ тысячи лет, живет так, как жили их предки, не смешиваясь с другими народами, сохраняя свою самобытную культуру, язык и традиции. Все знания и навыки они передают своим потомкам в песнях и преданиях. Это как раз и помогает оберегать сокровенные тайны родовых мудрецов и искусных мастеров от инородцев.

Письменной речи у них нет, хотя будто бы в средневековье был найден цыганский Священный Свиток, написанный на древнем языке этого народа. Об этом Свитке и о загадочных излучающих тепло металлических дисках с загадочными символами, похожими на цыганские амулеты рассказывают и по сей день старые шувано – колдуны цыганских родов. Диски эти, как и Священные Свитки – часть магических древних предметов, с которыми и пришел этот необычный народ на землю, так рассказывают старики-цыгане.

В России первые цыганские кибитки появились с присоединением Малороссии в XVII веке, куда они проникли из Венгрии, Румынии и Сербии.

В последующие два столетия, с расширением границ Российской Империи на запад, особенно после присоединения Бессарабии и Крыма, количество цыган в России сильно увеличилось. Этот народ проживал с давних пор на Кавказе и в Средней Азии. В Армении их называли боша, в Азербайджане-карачи, а в Средней Азии- люли или джуги и мазанг.

Самая большая группа российских цыган – рома. Это и русска рома, народ, прибывший в северо-западные части России из Польши, и другая крупная группа цыган рома – кэлдэрары, или котляры, пришедшие из Румынии. В России много и небольших групп рома – сэрвы, влахи, кишинёвцы, крымцы, урсары и ловари.

Кому не приходилось встречаться с этим непоседливым и свободолюбивым племенем? Нет народа на свете, который бы пользовался такой известностью, как цыгане. Часто люди встречают цыган с опасением, но всегда с любопытством. Может быть, оттого, что жизнь этого народа, привычки и сама наружность слишком необыкновенные, что и вызывает у других людей интерес. Есть такое поверье, что цыгане приходят всегда незванными...

Действительно, в каждую страну, цыгане являлись по-разному. Одних они обманывали, рассказывая о притеснениях, другим рассказывали о себе небылицы, третьим показывали фальшивые документы...

Рассказывают, будто в Германии цыгане впервые появились на берегах реки Эльбы ещё в средневековье. Пришли они туда шайкой человек в триста, полураздетые, голодные и грязные... Показали немцам письмо, будто от польского короля, в котором он рекомендовал этих людей как трудолюбивых и добропорядочных. Письмо это, как оказалось, было поддельным, но было уже поздно. Немцы, глядя на оборванцев, сжалились и поверили им, добродушно приняв на своей земле.

Прошло время и ромалэ, собравшись в одночасье, отправились во Францию, где назвали себя христианами, будто бы исполняющими свой добровольный обет, который они наложили на себя, за грехи своих отцов, обет странствования по чужим землям. Французы тоже поверили им и приняли на своей земле с жалостью, как странников, и даже прозвали их «кающимися грешниками».

Да вот только цыгане не могли оставаться на одном месте и отправились по миру дальше.

Придя в Венгрию и Испанию, они представились египетскими христианами, которых прогнали из Египта турки. Поэтому испанцы прозвали их египтянами, а венгры, столкнувшись

вскоре с этим народом поближе, назвали их «*фараоновым отродьем*». Так цыгане и разбрелись по всей Европе. При чём, будучи сметливыми, они, на самом деле, совсем не исповедуя никакой религии, но наученные опытом, всегда без всяких отговорок «*для виду*» принимали веру того народа, в земли которого они приходили. Как бедных страдальцев-единоверцев их охотно пропускали к себе и христиане, и мусульмане.

Так вот придя в Европу, хитроумные скитальцы подметили, что там большим уважением пользуются родовитые семейства – представители аристократии. И они тут же договорились называть своих вожаков – «баро» или баронами, чтобы их тоже все уважали. А самые пронырливые и находчивые подметили в Европе известные слабости и недостатки людей – невежество, легковерие, любовь к зрелищам и хвастливость. Тогда цыгане, помимо песен и танцев, тотчас принялись за ворожбу, гадание и лесть.

Так что, это хитроумный и ловкий народ! С давних пор везде ромалэ жили и живут по своему. Только в мелочах, например, одежде, некоторых словах они взяли от тех стран и людей, среди которых оказались. Но суть цыгана осталась прежняя. На самом деле, он до сих пор тот же, каким и пришёл в наш грешный мир. Этот народ всё так же чуждается других людей, не принадлежащих к его племени, всё так же пренебрегая трудом и всё так же ловок и хитёр в своих бесполезных, а иногда и вредных для других людей занятиях...

Мелкий осенний дождь сыпал с самого обеда и под вечер листья клёнов и тополей повисли понуро как уши мокрого зайца... Природа нехотя смирилась с неминуемой сменой времени года и перестала сопротивляться сырой и промозглой осени.

– Доброго вечера, многоуважаемый Зиновий Сымуилыч! – стряхивая со шляпы капли дождя, громко поприветствовал по обыкновению пришедший без приглашения Яков Моисеевич. – Не хотел было к Вам в такую непогодь идти, а потом вдруг вспомнил, что мы с вами – таки не отметили ни Йом Кипур (Судный день – примеч. автора), ни Суккот (праздник Кущей – примеч. автора), ни Шмини Ацерет с Симхат Торой... Всё нам как-то не удавалось, некогда, да страшно, как бы не узнал кто и не сообщил куда следует... А вот нынче увидал я цыган-то и подумал, смелые они! Намного смелее нас – иудеев! Никто им не указ! Снялись враз всем табором и ушли...

– Проходите, проходите, уважаемый Яков Моисеич! Повесьте пальто на вешалку возле печки, пусть обсохнет от жара моих дров. Вы ведь не просто так пришли? Видал я, как Вы дрожали под дождём возле лавки с керосином. Я так и подумал, что поздно вернётесь домой, когда уж Вам топить Вашу старую, дымящую печку, вот, думаю, скоро Вы ко мне явитесь, как всегда, с вечерним разговором... – подметив жадность старого ветеринара, вежливо сказал портной Кац.

– Таки не только с разговором я изволил к Вам заглянуть на минутку, вопросы меня гложут... – неожиданно ответил Яков Моисеевич, аккуратно расправив своё мокрое пальто у разгоревшегося пламени печи. – Занятный вопросец у меня имеется к Вам, достопочтенный Зиновий Самуилыч...

– Так-так! Что же Вас так озаботило на ночь-то глядя? – поинтересовался портной, отложив свои большие портняжные ножницы в сторону и свернув исчерченный мелом, ещё не раскроенный кусок плотной шерстяной ткани.

– Вопросец-то мой не особо может и сложный, но определиться с ним я не в силах, так как он касается Вашего мастерства. – сохраняя загадку и увлекая друга, старый ветеринар уселся в пододвинутое портным к печке высокое деревянное кресло.

– Ну-тес, уважаемый Яков Моисеич, не томите! Сказывайте, в чём же Ваш интерес? А то уж я было думал, вы и впрямь на минутку заглянули и чаю не попьёте.

– Что же, раз Вам так угодно, составлю Вам компанию... Я, признаться, тороплюсь, но для Вас, дорогой мой друг, у меня всегда есть свободные минуты... – ветеринар выдохнул довольно, будто только этих слов и дожидался.

– Что же, прошу к столу! Будет нам и беседа, и чаепитие, а пока что прошу отвесть гефилте фиш. Я таки сподобился нынче приготовить себе на ужин. Но я поделюсь с Вами, так уж и быть. А Вас попрошу об одной маленькой услуге... Завтра к Вам придёт молодая дама со своим питомцем. Уж окажите любезность, посмотрите эту чудо – юду, долго ли ей осталось?

– Таки ей бы лучше в лечебницу, пусть бы рассказала, что её беспокоит... Я не дамский доктор, вы же знаете! – удивлённо ответил Яков Моисеевич.

– Так я же не за даму ходатайствую, а за её собачку...

– Ах, собачку посмотреть, хорошо! Посмотрю... – чуть чванливо ответил ветеринар и сел за стол. – Да-с, дорогой мой друг, когда-то по завершении череды осенних праздников в Симхат Тору в синагоге заканчивался годовой цикл чтения Пятикнижия и начинали новый цикл весёлыми танцами... – переводя тему, сказал ветеринар, беря со сковороды рыбу, превосходящую в размерах оставшуюся.

Ужин завершился нескоро, потому как Яков Моисеевич, несмотря на ограничение по времени, каждый раз вдруг вспоминал что-то особенно его волнующее и, меняя тему разговора, с большим вниманием и интересом расспрашивал старого друга то об одном, то о другом. Дрова в печи прогорели и пальто со шляпой давно высохли. Дождь за окном прекратился и на небе появилась луна...

– Вот меня нынче увлёт один вопрос... – нарушив молчание вдруг сказал ветеринар.

– Да, что Вы? Какой же это по счёту? – поинтересовался портной, устало глядя в окно...

– Я всё хочу поговорить о нём, но Вы, любезный друг, всё время меня отвлекаете пустяками... – ответил ветеринар. – Вот я и думаю, вот приедут цыгане куда-нибудь на Кавказ или в другие какие земли, да хоть бы и в Италию или Испанию, при желании они ведь легко могут затеряться среди местного населения. Не так ли? Но сколько уж они везде скитаются и всё равно остаются цыганами. Как, к примеру, их вот от местных отличают? Наружность у них за тысячу лет никак не поменялась. Думаю, благодаря тому, что они держатся обособленно и не смешиваются с другими народами. Коли они одежду свою сменяют, никто не отличит, я так думаю.

– А вот и нет! Разве Вы не замечали, что лицо цыгана смуглое, с небольшим согнутым носом. Волосы густые, жесткие и чёрные, как смоль, а глаза, большие, тоже чёрные и светятся то дикостью и хитростью, а то лукавством. Совсем не как у других народов. А уж про гибкий и стройный стан цыган и их живость и ловкость и говорить не буду, нет, их ни с кем не сравнить! Так что я бы их никогда не спутал ни с кем... – рассудительно добавил портной, широко зевнув, намекая другу на поздний час.

– Говорят, что цыгане никогда не мыли ни лица, ни белья, которое носили на себе, как бы оно ни было грязно. Цыгана смочит и помоеет дождик, обсушит солнце, а ветер сдует с одежды пыль дорог, вот и всё его омовение, и очищение. Да и одеваются они всегда во «что Бог послал» – зипуны, рубахи, шаровары, а иногда их костюм не только необычный, а немислимо странный. – продолжил свои рассуждения Яков Моисеевич.

– Это факт! Нечистоплотный народец! Правда, цыганки у них, я думаю, всё ж таки следят за собой. Вот, как сейчас помню, увидел я одну красавицу много лет назад и с тех пор забыть её не могу... На ней была простая холщовая рубаха с глубоким вырезом на груди, полосатый передник красного цвета поверх юбки, цветная шаль, накинутая на плечи... А через рубашку торчали её упругие груди... – портной, увлекшись воспоминаниями, приставил к своей груди обе руки, со сложенными в фигу пальцами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.